

УДК 821.133.1.09-3+929Монпансье
ББК 83.3 (4Фр)

С.Ю. Павлова

**РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ
В ТРАНСФОРМАЦИ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО
ОБРАЗА МАДЕМУАЗЕЛЬ
ДЕ МОНПАНСЬЕ**

Рассмотрено влияние религиозности Мадемуазель де Монпансье (1627–1693) на автобиографический образ ее «Мемуаров». Он строится с ориентацией не на религиозную исповедь, а на светское жизнеописание человека, сохраняющего верность христианским заповедям. Объясняются симпатии Мадемуазель к ордену кармелиток и причины отказа от монастырской жизни. Показывается, как мемуаристка интерпретирует идею Божественного чуда в связи с образом протагонистки и приходит к стоическому принятию своей судьбы.

Ключевые слова: *мемуары, французская литература XVII века, Мадемуазель де Монпансье, автобиографический образ, религиозность.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-3-19-27

Павлова Светлана Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Тел.: +7(8452)210-649

E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

© Павлова С.Ю., 2017.

Анна-Мария-Луиза-Генриетта Орлеанская, герцогиня де Монпансье, более известная по своему титулу Мадемуазель (1627–1693), была одной из знаковых фигур французского королевского двора второй половины XVII в. Будучи кузиной Людовика XIV, она осмелилась встать на сторону фрондеров в период гражданской войны середины столетия, была отправлена в изгнание, а затем прощена. Приметной страницей ее биографии стала и поздняя любовь к графу де Лозену, которого она предпочла всем коронованным женихам, но была обманута в своих надеждах. О своей удивительной жизни Мадемуазель рассказала в знаменитых «Мемуарах» (опубл. 1717), относящихся к лучшим образцам мемуарной прозы раннего Нового времени, к сожалению, пока не переведенным на русский язык и лишь недавно введенным в научный оборот отечественного литературоведения [Алташина, 2005; Павлова, 2015]. Французские исследователи ее творчества сходятся на том, что, в отличие от других мемуаристов эпохи, она «в сущности, интересуется только собой» [Gaaron, 2003, p. 115]. Одним из важных аспектов авторского «Я», отраженного в образах протагонистки и повествовательницы, является религиозность. Ее специфика составляет самостоятельную исследовательскую проблему, рассмотрение которой невозможно без учета двух сочинений, написанных непосредственно на эту тему, но уже после того, как герцогиня оставила рукопись мемуаров: «Размышления о восьми блаженствах» (1685) и «Мораль-

ные и христианские размышления о первой книге Подражания Иисусу Христу» (1693). Не претендуя на всесторонний анализ ее религиозных взглядов, попытаемся определить основной вектор их эволюции в мемуарном повествовании и влияние на автобиографический образ.

Приобщение Мадемуазель к религии Ж. Гарapon связывает с влиянием ее первой гувернантки маркизы де Сен-Жорж, отличавшейся набожностью и близостью к ордену кармелиток. Хотя строгое благочестие не было воспринято юной принцессой, маркиза сумела показать ей пример жизни в твердой вере, помогавшей не подчиняться конформизму двора [Garapon, 2003, p. 322]. По мере взросления полученное религиозное воспитание проявилось в особой симпатии Мадемуазель к обителям кармелиток, о визитах в которые она многократно вспоминает и не раз признается, что испытывала к ним особую любовь. Судя по всему, в мемуарах идет речь о монастырях босых или босоногих кармелиток, орден которых был официально утвержден вскоре после кончины святой Терезы Авильской (1515 – 1582). Она осуществила «реформу монашеской жизни <...>, заключающуюся в строгом возвращении к первоначальному уставу» [Баранов]. Герцогиня почитала испанскую монахиню и была знакома с ее автобиографическим сочинением «Книга жизни» (1562). В мемуарах она упоминает об этом, а рассказывая о беседе с Робером Арно д'Андили относительно его перевода Терезы Авильской высказывается более развернуто: «Я так люблю эту святую, что очень радуюсь возможности прочесть, что она сделала, на хорошем языке, поскольку до сих пор ее сочинения были переведены плохо» [Montpensier, 1985, t. 1, p. 450]. (Здесь и далее перевод мемуаров наш; при цитировании мемуаров указаны только том и номер страниц. – С.П.). Мадемуазель не сообщает, какое именно произведение имеет в виду, но, скорее всего, подразумевает «Книгу жизни», переведенную на французский язык ее собеседником спустя тринадцать лет.

В мемуарах не прослеживается связь чтения «Книги жизни» с развитием духовности герцогини. Можно лишь предполагать, что строгие моральные установки святой укрепили ее нравственность и религиозную веру. Однако интенции мемуаристики не совпадают с намерениями автора «Книги жизни». В отличие Терезы Авильской, а также Августина Аврелия, чья «Исповедь» стала каноническим для христианина образцом жизнеописания (она с высокой долей вероятности была известна герцогине, в чем убеждают ее контакты с переводчиком книги Робером Арно и присутствие имени Августина в тексте), Мадемуазель не исповедуется и не кается, но будучи верующим человеком естественным образом сопровождает автобиографическое повествование отсылками к воле Всевышнего. Мемуары строятся вокруг мирской жизни Мадемуазель, а не ее пути к Богу. Вместе с тем, не оказав прямого воздействия на духовность герцогини, «Книга жизни» повлияла на модель автобиографического повествования. Как справедливо пишет Э. Лен, «Жизнеописание святой Терезы своей автобиографической формой и гетеродиегетическими легендами предложило в ее распоряжение образец повествования

об особенной жизни» [Lesne, 1996, p. 95]. Необычайность своей судьбы и отличное от других положение мемуаристка обозначает уже в рассказе о детстве. Эту часть своей биографии она описывает достаточно подробно, что не характерно для мемуаров и – шире – литературы эпохи. Ж. Гаррапон полагает, что значимость «детского» эпизода может быть связана именно с «Книгой жизни» Терезы Авильской, где ранним годам святой посвящено «несколько очень сильных страниц» [Garapon, 2003, p. 111]. По всей видимости, мемуаристке оказалась близка и повествовательная манера испанской монахини, которая «совсем не заботится о стиле: пишет быстро, никогда не исправляя уже написанное, буквально “как Бог на Душу положит”» [Варьяш, 1997, с. 102]. Стиль Мадемуазель также отличает отсутствие «отделанности» и близкая к разговорной манера изложения.

Религиозность герцогини, сформированная в детском возрасте, проявилась не только в симпатиях к ордену кармелиток, но и в строгом следовании ритуалу католической службы. Она часто пишет о посещениях мессы как обязательной составляющей своей повседневной жизни и особо отмечает те случаи, когда это происходило в наиболее важные биографические моменты. Примером может служить поведение протагонистки в преддверии возможного сражения фрондеров с армией короля в мае 1652 г.: «Признаюсь, что я слушала ее (мессу. – С.П.) с большим благочестием и очень горячо просила Бога дать нам выиграть сражение <...>» [t. 1, p. 208]. Состояние особой благочестивой сосредоточенности она отмечает и в тот момент, когда присутствовала на службе вскоре после решения выбрать в качестве будущего супруга графа де Лозена: «<...> я вся была совершенно ими (мыслями о браке. – С.П.) поглощена и думала, что Бог внушил мне то, что я собиралась сделать» [t. 2, p. 248]. Обратим внимание, что хотя со второй половины XVII в. официальная теология ратует за отношение к мессе как к форме коллективного благочестия через приобщение к словам священника [История частной жизни, 2016, с. 90 – 97], Мадемуазель воспринимает ее как способ для индивидуальной молитвы, имеющей отношение не к отвлеченным религиозным истинам, а к тому, что происходит с ней самой. Церковная служба рождает в душе героини мемуаров особый подъем и чувство приобщения к Божественной воле.

Эта ведомость рукою Всевышнего отчетливо осознавалась герцогиней в годы Фронды, когда ей удивительным образом удалось совершить грандиозные дела и стать спасительницей других. Такое самоощущение отразилось в автобиографическом образе. Вспоминая о сражении в Сент-Антуанском предместье, Мадемуазель напрямую связывает достигнутый успех с действием провиденциальных сил: «<...> я не понимаю, как я смогла сделать все, что сделала в таком волнении, но это было одно из следствий чуда, посланного нам Богом в этот день» [t. 1, p. 231]. Вера в Божественное чудо поддерживала Мадемуазель и в ее любви к Лозену вплоть до того момента, пока она окончательно не разочаровалась в своем избраннике. После тюремного заключения графа герцогиня не

оставляла попыток добиться его освобождения и на определенном этапе черпала силы в истории некоего пленника, закованного в кандалы в турецкой тюрьме, но спасшегося благодаря молитвам святому Николаю. Его освобождение Мадемуазель воспринимала как чудо и, оказавшись в той обители, куда он принес свои оковы в качестве благодарности святителю, страстно молилась ему в надежде добиться от короля аналогичной милости для своего возлюбленного. Через несколько месяцев она еще раз столкнулась с проявлением чудесного в монастыре кармелиток города Бона, где находилось захоронение святой Маргариты. Протагонистка и ранее посещала это место, но впервые испытала на себе нечто необычайное. Преклонив колени у могилы святой, она почувствовала «удивительно прекрасный аромат», не похожий ни на какой другой [t. 2, p. 369]. Он исходил от мраморного захоронения в течение всего времени ее пребывания в монастыре и внушал всем чувство глубокого благоговения. Этот чудесный знак был послан именно герцогине, что акцентируют слова отца Паризо, руководившего отправлением культа святой Маргариты: «Она не может лучшим образом выразить благодарность за честь, которую Вы ей оказали, чем сделав то, что сделала. Я надеюсь, что Вы получите особые милости через ее заступничество перед младенцем Иисусом <...>» [t. 2, p. 370]. Включение этих эпизодов в мемуары показывает, что спустя двадцать с лишним лет после поворотных для Мадемуазель событий Фронды, в другой, но не менее важный период жизни, она вновь надеялась на чудо. Однако драматический характер взаимоотношений с Лозеном привел к изменению взглядов мемуаристки на роль Провидения в ее судьбе.

Основной вектор этого переосмысления был связан с движением от идеи чуда в сторону высшей предопределенности и драматизма жизни. Понимание того, что судьба человека находится в руках Господа, всегда было присуще Мадемуазель, как и любому истинному христианину, но с годами приобрело большее значение. Первое размышление об этом приходится на начальный этап мемуаротворчества, связанного с молодостью протагонистки, и относится к реакции супруги Карла I Стюарта на его казнь. Во второй условно выделяемой части повествования, написанной с временным интервалом в семнадцать лет и раскрывающей перипетию любви к Лозену, эта мысль начинает настойчиво повторяться и превращается в стойкое убеждение. В эти годы Мадемуазель начала все больше исходить из общих, но вместе с тем индивидуально осмысленных представлений о том, что «надо покоряться Божественному Провидению, потому что оно решает все» [t. 2, p. 118]. Она стремилась положиться на его волю в обретении устойчивого положения, способного дать «совершенный покой», которого «невозможно достичь без полного ему (Провидению. – С.П.) подчинения, вот над чем надо трудиться» [t. 2, p. 118]. Произошедшее с герцогиней после ареста Лозена показывает, что она достойно принимала посланные испытания, была благодарна Провидению (знак его доброй воли она увидела, например, в том, что тюремное заключение спасло возлюбленного от смерти на во-

йне), но ее покорность не исключала постоянных усилий по изменению положения. Мадемуазель старалась смягчить гнев короля и ради этого заставляла себя находиться при дворе вопреки своим чувствам: «<...> но тот же долг, который удержал бы меня дома, чтобы сожалеть о моем положении, бесконечно оплакивать его, говорить о нем со своими друзьями, ходить в церкви и быть постоянно у подножия распятия, чтобы просить у Бога терпения, которое нам, ему (Лозену. – С.П.) и мне, необходимо, чтобы нести наш крест и получить его милость, заставил меня сделать все те шаги, которые я сделала и которые не подобали особе, чье сердце столь же пронизано нежной болью, как мое» [t. 2, p. 348].

Восстанавливая в мемуарах собственные рассуждения о Провидении, Мадемуазель стремилась точнее передать свое тогдашнее состояние. При всем драматизме оно все же было окрашено надеждой на возможность личного счастья. Однако в то время, когда эти события стали предметом описания, мысли мемуаристки приняли несколько иной поворот, отражающий дистанцию между образами героини и повествовательницы: «<...> будучи рожденной со всем тем, что только можно иметь, и со всеми преимуществами, которые даровал мне Бог, я была так несчастна всю свою жизнь, и мне довелось узнать благодаря этому, что настоящий покой только в том, чтобы служить ему и служить по-настоящему. Поскольку я этого не делаю, следовательно, я еще не счастлива; я стараюсь этого достичь и терпеливо сносить тревоги, которые он послал мне до сих пор» [t. 2, p. 245]. Подлинное счастье Мадемуазель теперь видела не в заботах о своем насущном благе, а в духовном спасении. В этом смысле ее эволюция служит подтверждением мысли Ж. Менара о том, что в XVII в., даже если Бог более не является центральным предметом рефлексии, «рассмотрение человека чаще всего ведет к открытию Бога» [Mesnard, 1992, p. 116]. Финальная часть мемуаров, написанная с перерывом еще в несколько лет, показывает, что именно в направлении духовного самосовершенствования герцогиня пыталась реализовать себя в последние годы жизни. Ее поздние религиозные сочинения служат тому подтверждением.

Мадемуазель всегда высоко ценила благочестие и христианские добродетели, но не решилась целиком посвятить себя Богу. В мемуарах трижды на разных этапах жизнеописания отмечаются моменты, когда у нее возникала мысль о монастырском уединении. Анализ этих эпизодов позволяет увидеть, как Мадемуазель воспринимала уход в монастырь и почему отказалась от этой идеи. В первый раз она возникла у принцессы в восемнадцатилетнем возрасте в связи с матримониальными планами и была вызвана чрезмерной восприимчивостью. В отличие от своей подруги мадемуазель д'Эпернон, принявшей постриг из-за нежелания вступать в брак, протагонистка руководствовалась прямо противоположными мотивами. Она решила уйти в монастырь, чтобы походить в религиозном рвении на будущего супруга, известного своей набожностью. Противоречие такого поступка преследуемой цели ее не смутило, но с позиции времени стало очевидным. Мемуаристка освеща-

ет иронически свое тогдашнее намерение стать монашкой, которое было не чуждо тщеславия, продлилось ровно восемь дней, а после серьезного разговора с отцом о желании «служить Богу, чем иметь все короны мира» [t. 1, p. 83] исчезло столь же быстро, как и появилось. Несерьезный характер такого религиозного порыва Мадемуазель явно подчеркивает: «В конечном итоге при дворе возникло некоторое подозрение о моем намерении удалиться от мира, я узнала, что над этим подсмеивались, и смеялась тоже <...>» [t. 1, p. 84].

Вторично мысль о монастыре появилась у герцогини после возвращения из ссылки в конце 1650-х гг. Она задумалась об уединении в стенах монастыря, но не под воздействием религиозного порыва и особой духовной настроенности (хотя за время изгнания ее внутренняя жизнь и претерпела заметные изменения), а из желания поскорее добиться смягчения своей участи, получить прощение двора и вернуться в лоно королевской семьи. Уход от мирской жизни она воспринимала теперь в серьезном ключе, но лишь как временное явление. Наконец, третий раз Мадемуазель вернулась к этой идее в финальной части мемуаров, вспоминая о своих беседах с аббатом Рансе, который был известен строгим аскетизмом и самоотречением [Dictionnaire de la langue française, 1995, p. 1066], в конце 1670-х гг. Они общались на протяжении многих лет, что вызвало разговоры о стремлении священника подвигнуть герцогиню к вступлению в орден кармелиток. Мемуаристка опровергает это утверждение и, апеллируя к авторитету аббата, приводит доводы, объясняющие в действительности ее собственную позицию: «Он был слишком умен, чтобы не понимать, что особы моего положения могут совершить больше блага в миру, чем в уединении, и что они спасаются, спасая других, когда умеют использовать свое положение, чтобы показать благие примеры и помогать вдове и сироте своим кошельком и защитой» [t. 2, p. 382]. Мадемуазель сделала выбор в пользу светской жизни, руководствуясь высоким пониманием своей миссии, предначертанной принадлежностью к королевскому роду. Она видела себя частью придворного мира и с особым вниманием относилась к своей социальной роли. Статус принцессы крови внушал ей чувство гордости и вместе с тем ответственности, которая согласовывалась с христианскими добродетелями милосердия, жертвенности, доброты. Подобно всякому христианину, она искала индивидуального спасения, но путь к нему видела в помощи другим, понимая, что высокий ранг давал ей к этому большие основания, чем обычному человеку. Многие годы герцогиня занималась благотворительностью, однако в мемуарах информация об этом представлена бегло и очень скупо. Самый развернутый фрагмент появляется лишь после приведенной выше цитаты, т. е. в то время, когда протагонистка достигла зрелого возраста. Ее благие помыслы вылились в основание и финансовую поддержку детской больницы святой Анны и семинарии для сестер милосердия. Эти факты мемуаристка приводит для того, чтобы подчеркнуть осознанность своего предназначения на земле и неуклонную верность христианским ценностям.

Выбор между мирским и монастырским существованием в пользу первого был предопределен происхождением и воспитанием герцогини. Однако важно отметить, что ее этические представления, христианские в своей основе, повлияли на восприятие придворной жизни. С молодых лет Мадемуазель не принимала двуличия любовной морали двора, а после крушения надежд на брак с графом де Лозеном внутренне отдалась от круга придворных. Впрочем, ее тяга к уединению проявилась еще раньше. По всей видимости, она стала следствием пятилетнего изгнания и впервые была эксплицирована в мемуарах в связи с автобиографическим образом при описании событий 1660 г. Мемуаристка рассказывает, как беседовала с госпожой де Моттвиль «об одиночестве, о пустыне и о том, как можно вести там счастливую жизнь, о трудностях и утомительности той, что происходит при дворе, о несправедливостях судьбы, о том, что мало кто ею доволен, и сколько жалуются на несправедливость своей участи» [т. 2, р. 146]. После этого разговора Мадемуазель стала думать об уединенной жизни и даже написала на эту тему несколько писем своей собеседнице, наполненных мыслями о людях, которые «удалялись от двора, не будучи отвергнуты». Мемуаристка констатирует, что в это время «желала только этой пустыни, где не было ни галантности, ни даже браков» [т. 2, р. 146].

С идеей затворничества соотносится еще один эпизод, в котором Мадемуазель рассказывает о своем визите в Пор-Рояль-в-Полях вскоре после окончания изгнания. Она получила возможность познакомиться с жизнью обители и пообщаться с Робером Арно д'Андили, некогда состоявшим на службе у ее отца. Более ранний по времени, чем предыдущий, этот эпизод важен самым обращением мемуаристки к теме благочестивого уединения. Понимая настороженное отношение двора к янсенистам, мемуаристка не вдается в теологические споры, а сосредоточивает свое внимание на образе жизни затворников монастыря. Она восхищается их добродетельными нравами, искренним благочестием, безграничным милосердием, удивительными сочинениями во славу церкви и святых, системой воспитания и образования, формирующей крепкую веру и дающей богатые знания. С удивлением обнаружив в монастыре уклад, ничем не отличавшийся от других христианских обителей, она согласилась на просьбу Робера Арно засвидетельствовать это при дворе. Согласно данным «Словаря Пор-Рояля», свое слово Мадемуазель сдержала [Dictionnaire de Port-Royal, 2004, р. 744]. Эпизод с посещением монастыря свидетельствует о том, что герцогиня стала проявлять больший интерес к духовно-нравственной составляющей личности и тем ее сторонам, что находятся за пределами публичной сферы. Вторая половина ее жизни была отмечена двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, стремлением вернуться к привычному кругу обязанностей и играть заметную роль подле особы короля, а с другой, постоянно усиливающимся разочарованием в нравах двора, усталостью, нарастающей сосредоточенностью на внутреннем мире.

В целом, автобиографический образ мемуаров позволяет увидеть, что, если детство и молодость стали для Мадемуазель периодом приобщения к религиозной жизни и формирования христианских основ нравственности, то подлинное развитие ее духовности обозначилось только в зрелые годы. Такая траектория становления духовной жизни герцогини обозначается на уровне повествовательной канвы, комментариев повествовательницы и – в некоторых случаях – расхождения между ее позицией и взглядами героини. Мадемуазель никогда не стремилась посвятить себя служению Всевышнему, поскольку видела знак Божественной избранности в том высоком положении, которое занимала по рождению. Это характерное для французской королевской династии представление соединялось с верой в Божественное чудо. Фиксация его проявлений помогла мемуаристке укрупнить автобиографический образ и подчеркнуть его особое, предопределенное свыше, наполнение. По мере работы над мемуарами, отразившими нараставшие невзгоды жизни, Мадемуазель все чаще констатировала безграничную и непредсказуемую волю Провидения, однако следствием этого стало не покаяние, характерное для религиозной исповеди, но лишь стоическая готовность принять свою судьбу. Развитие автобиографического образа показывает, что ее духовность, оставаясь в пределах светской культуры, проявилась в желании достойно следовать христианским заповедям.

Литература и источники

Алташина В.Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII – XVIII вв.). СПб.:Изд-во РГПУ, 2005. 173 с.

Баранов И. Кармелитки // Католическая Россия, католичество от А до Я. Христианская веб-энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=163> (дата обращения 05.12.2016).

Варьяш О.И. Святая Тереса Авильская и ее «Книга жизни» // Вестн. ун-та российской академии образования. 1997. № 2. С. 99 – 103.

Павлова С.Ю. Детство в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье // Изв. Саратов. ун-та. Нов. серия. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 63 – 67.

История частной жизни. Т. 3: От Ренессанса до Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 720 с.

Dictionnaire de la langue française. Encyclopédie. Noms communs. Noms propres. Paris, 1995. 1400 p.

Dictionnaire de Port-Royal. Paris, 2004. 1176 p.

Garapon J. La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627 – 1693). Paris, 2003. 444 p.

Lesne E. La poétique des mémoires (1650-1685). Paris, 1996. 478 p.

Mesnard J. La culture du XVIIe siècle: Enquêtes et synthèses. Paris, 1992. 640 p.

Montpensier A.-M.-L.-H. d'Orléans. Mémoires. Paris, 1985. 2 vol.

References

Altashina V.D. *Poeziya i pravda memuarov (Frantsiya, XVII-XVIII vv.)*. Saint-Petersburg, Izd-vo RGPU, 2005. 173 p. (In Russian).

Baranov I. Karmelitki, *Katolicheskaya Rossiya, katolichestvo ot A do Ya. Khristianskaya veb-entsiklopediya*. Available at: <http://catholic.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=163> (accessed 5 December 2016). (In Russian).

Var'yash O.I. *Svyataya Teresa Avil'skaya i ee «Kniga zhizni»*, *Vestnik universiteta rossiyskoy akademii obrazovaniya*, 1997, no. 2, pp. 99-103. (In Russian).

Pavlova S.Yu. Detstvo v «Memuarakh» Mademuazel' de Monpans'e, *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2015, t. 15, vyp. 3. pp. 63-67. (In Russian).

Istoriya chastnoy zhizni. T. 3: Ot Renessansa do Prosveshcheniya. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 90-97. (In Russian).

Dictionnaire de la langue française. Encyclopédie. Noms communs. Noms propres. Paris, 1995, 1400 p. (In French).

Dictionnaire de Port-Royal. Paris, 2004, 1176 p. (In French).

Garapon J. *La culture d'une princesse. Ecriture et autoportrait dans l'œuvre de la Grande Mademoiselle (1627-1693)*. Paris, 2003, 444 p. (In French).

Lesne E. *La poétique des mémoires (1650-1685)*. Paris, 1996, 478 p. (In French).

Mesnard J. *La culture du XVIIIe siècle: Enquêtes et synthèses*. Paris, 1992. 640 p. (In French).

Montpensier A.-M.-L.-H. d'Orléans. *Mémoires*. Paris, 1985. 2 vol. (In French).

Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russian Federation)

The Religious Aspect in the Transformation of the Autobiographical Image of Mlle de Montpensier

The article considers how Mlle de Montpensier's (1627 – 1693) religious feeling developed in the course of work on the Memoirs and how it impacted the autobiographical image. The image is not created with the focus on the religious confession, but with the emphasis on the description of a worldly lifestyle of a person remaining true to Christian commandments. The author's affection to the order of Carmelites is explained as well as the reasons of rejecting the life at the nunnery. It is shown how the memoir writer interprets the idea of a divine miracle as related to the protagonist image, and how she arrives at the stoic acceptance of her fate.

Key words: *memoirs, XVII-th century French Literature, Mademoiselle de Montpensier, autobiographical image, religiousness.*

Svetlana Yu. Pavlova – candidate of Philology, associate professor of Russian and Foreign Literature Department, National Research Saratov State University named after N.G. Tchernyshevsky. Phone: +7(8452)210-649; e-mail: pavlovasy@info.sgu.ru